

Изъ Казанской Окружной Лечебницы.

Случай истерической афазіи.

В. И. Жестова,

ординатора психіатрической клиники Казанскаго Университета.

Истерическая афазія или, какъ чаще называютъ, истерическая нѣмота, представляетъ сравнительно не частый симптомъ рѣчевыхъ расстройствъ при истеріи. Впервые онъ былъ описанъ *Charcot*¹⁾, который и указалъ характерные признаки истерической нѣмоты, отличающіе ее отъ афазіи органическаго происхожденія: больные не могутъ произнести ни одного слова, ни одного звука, хотя правильно выполняютъ различныя движенія языкомъ, губами; они довольно живо объясняются мимикой, жестикуляціями; ни аграфіи, ни алексіи при этомъ не наблюдается, не бываетъ также и словесной глухоты; интеллигенція больныхъ нисколько не нарушается. Дальнѣйшія наблюденія въ этомъ направленіи показали, однако, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ истерическая нѣмота сопровождается какъ аграфіей, такъ и словесной слѣпотой и глухотой. Такие случаи были описаны *Charcot*²⁾ (правосторонняя гемиплегія и полная нѣмота съ аграфіей), *Cartaz*'омъ³⁾,

¹⁾ *I. M. Charcot. Leçons sur les maladies du système nerveux. T. III. Paris. 1887.*

²⁾ *I. M. Charcot. Leçons du mardi à la Salpêtrière. 1887—88 p. 363.*

³⁾ *Cartaz. Du mutisme hystérique; obs. VI (въ Oeuvres complètes de M. Charcot, t. III, appendice).*

*Mendel'*емъ ¹⁾, *Lemoine'*емъ ²⁾. Въ русской литературѣ случаи истерической нѣмоты были описаны *Давыдовымъ* ³⁾ и *Б. И. Воротынскимъ* ⁴⁾.

Происхождение нѣмоты Charcot объяснялъ тѣмъ, что больной утрачиваетъ способность производить необходимыя для артикуляціи движенія, забываетъ ихъ; слѣдовательно, въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ двигательную афазію, въ основѣ которой, по мнѣнію Charcot, лежитъ динамическое поврежденіе коры головного мозга.

Въ виду того, что названное страданіе встрѣчается сравнительно рѣдко, я позволю себѣ привести одинъ случай истерической афазіи, наблюдавшійся въ Казанской Окружной Лечебницѣ.

Больная Евфросинья П-на, 33 лѣтъ, крестьянка Казанской губерніи, поступила въ Лечебницу 22 января 1897 г. Изъ анамнестическихъ данныхъ, сообщенныхъ мужемъ, видно, что больная 16 лѣтъ замужемъ, имѣла 7 дѣтей, изъ которыхъ въ настоящее время живы 4, самому младшему 11 мѣсяцевъ, остальные 3 умерли отъ разныхъ острыхъ заболѣваній, свойственныхъ дѣтскому возрасту; всѣ роды происходили въ срокъ, дѣти рождались хорошо развитыми. Въ семьѣ больной не было ни одного случая нервнаго или душевнаго расстройства; отецъ ея выпиваль. Ранѣе у больной при всякомъ сильномъ волненіи бывали какіе-то припадки, во время которыхъ она бросалась на полъ, рвала на себѣ одежду. Настоящее заболѣваніе началось 16 января 1897 года. Въ этотъ день больная утромъ, разсердившись на что-то, прибила своихъ дѣтей; цѣлый день послѣ этого была не въ духѣ, негодовала на себя за свой поступокъ. Вечеромъ принялась

¹⁾ *Mendel.* Surdi-mutité hystérique. Berlin. klin. Wochenschr. № 32. 1887.

²⁾ *Lemoine.* Un cas de surdi-mutité hystérique. Médec. moderne. 1893.

³⁾ *Давыдовъ.* Объ истерической нѣмотѣ. Архивъ психіатріи, т. XVII, №1. 1891.

⁴⁾ *Б. И. Воротынскій.* Случай истерической нѣмоты. Неврол. Вѣстникъ. Т. II, в. 4. 1894.

за работу и до 10 часовъ пряла, потомъ неожиданно вздрогнула, покраснѣла, зачѣмъ-то вышла въ сѣни, вернулась отсюда и остановилось среди избы. По словамъ мужа, она стояла неподвижно съ $1\frac{1}{2}$ часа, съ устремленнымъ въ одну точку взглядомъ; лицо было очень красно. Потомъ начала какъ-бы прибираться въ избѣ, переставляла безцѣльно разныя вещи, собрала одежду, выбросила ее въ сѣни, говоря, что надо ѣхать въ больницу лѣчить дѣтей отъ побоевъ. Въ теченіи всей quasi-уборки избы она говорила много, но зря, нельзя было понять, что она хотѣла рассказать. Мужъ, наконецъ, уговорилъ ее оставить сборы и лечь спать; она согласилась, но не могла уснуть всю ночь. На слѣдующій день замѣчено было расстройство рѣчи, выразившееся въ томъ, что больная говорила на распѣвъ, говорила бессвязно, можно было разобрать только, что она сожалѣетъ о дѣтяхъ. Гиперемія лица была также очень рѣзка. Съ 19 числа больная не могла сказать ничего кромѣ 2—3 словъ, совершенно непонятныхъ для окружающихъ, какихъ либо странныхъ поступковъ не дѣлала. Все это время больная мало ѣла и почти совсѣмъ не спала. Въ такомъ состояніи она была доставлена въ лечебницу. На пріемѣ больная не могла рассказать ничего о себѣ, говоритъ только слова: „мечтать, мечтать... знаю, знаю“. Внимательно слушаетъ рассказъ мужа, при нѣкоторыхъ отвѣтахъ его на вопросъ врача утвердительно качаетъ головой, на лицѣ выраженіе удовольствія, при другихъ отвѣтахъ недовольно машетъ рукой; бросается въ глаза сильная краснота личныхъ покрововъ.

При физическомъ изслѣдованіи ¹⁾ больной найдено слѣдующее: больная средняго роста, хорошаго тѣлосложенія, удовлетворительнаго питанія; кожа лица гиперемирована, на остальныхъ частяхъ тѣла окрашена нормально, но при проведеніи рукояткой молотка получается интенсивная красная полоса, долго остающаяся. Лицо и голова развиты правильно, ушныя сережки не приращены, твердое небо глубоко. Зрачки равномѣрны, живо реагируютъ на свѣтъ, боль и аккомодацию. Грубое изслѣдованіе поля зрѣнія не даетъ основаній допу-

¹⁾ Физическое изслѣдованіе произведено многуважаемымъ д-ромъ П. В. Нецаевымъ, въ отдѣленіе котораго была принята больная, и отчасти пополнено нами.

стить существованіе суженія. (Болѣе точное изслѣдованіе было произведено впоследствии, когда къ больной вернулась рѣчь; также не было получено никакихъ данныхъ, говорящихъ за суженіе). Просьбу—выбрать тотъ или другой основной цвѣтъ—исполняетъ быстро и правильно. Складки на правой половинѣ лица, въ особенности носогубная, выступаютъ рѣзче. Языкъ при высовываніи не дрожитъ, замѣтно легкое уклоненіе кончика его вправо, движенія языка не ограничены. Точно также больная свободно выполняетъ разнообразныя движенія губами. Язычекъ не отклоненъ въ сторону, рефлексъ съ мягкаго неба отсутствуетъ. Грудныя железы напряжены и болѣзненны; по словамъ мужа, больная до послѣдняго времени кормила ребенка. Со стороны органовъ груди и живота ничего ненормальнаго не найдено. Пульсъ умѣреннаго наполненія, сильно напряженъ, 66 ударовъ въ мин. Тактильная, болевая и термическая чувствительность сохранена и на обѣихъ сторонахъ выражена одинаково. Сухожильные рефлексы не повышены, но на лѣвой сторонѣ они выражены слабѣе, какъ на верхнихъ, такъ и нижнихъ конечностяхъ; тоже слѣдуетъ замѣтить и относительно идіо-мышечной возбудимости. Мышечная сила въ рукахъ и ногахъ достаточна, но болѣе развита справа. Походка больной ничего особеннаго не представляетъ.

Больная въ состояніи произнести всего нѣсколько словъ: „знаю, мечтать, Бугульма, да, все, здѣра“. Вопросы понимаетъ быстро, при этомъ нѣсколько волнуется, хватается за голову, показываетъ на нее рукой, вообще имѣетъ видъ человѣка, чувствующаго сильное смущеніе, какъ будто стыдится, что не можетъ отвѣтить, что нужно; при разговорѣ съ больной приходится самому угадывать отвѣтъ. Вотъ примѣръ бесѣды: сколько у тебя дѣтей? „Знаю, знаю, все знаю“. Одинъ? качаетъ отрицательно головой. Два? тоже движеніе головой, говорить: „знаю, все знаю“; показываетъ рукой на голову. Три? тотъ же отвѣтъ. Четыре? „Да“, отвѣчаетъ больная, при чемъ на лицѣ выраженіе довольства, показываетъ далѣе рукой ростъ дѣтей, говорить „зѣри, зѣри“. Дальнѣйшіе вопросы велись по такому же способу. Больная сообщила, сколько ей лѣтъ, давно ли она замужемъ, сколько времени больна, она—неграмотная, у нея есть отецъ, мать, сестра; полученные свѣдѣнія вполне согласовались съ тѣми, которыя были собраны во время приѣма отъ ея мужа. Можно было

догадаться изъ ея мимики, жестовъ, что у нея съ начала болѣзни и до сихъ поръ болить голова, особенно темя. На вопросъ, не было ли ранѣ какихъ-либо припадковъ, дала утвердительный отвѣтъ, показала рукой на горло, упала на полъ, начала какъ бы рвать платъе. Просьбу передать тотъ или другой предметъ, лежащій около нея, напр., книгу, ручку, спички и т. п. исполняетъ вѣрно; на просьбу врача — повторять за нимъ слова — молчить, смущается, отвѣчаетъ только: „знаю, знаю, все знаю“; но отдѣльные звуки: а, о и др. больная могла повторить. Въ отдѣленіи ведетъ себя спокойно, усердно занимается работой. Какой либо переменны въ теченіе слѣдующаго дня не было замѣчено; больная хорошо ѣла и спала.

24 янв. Вечеромъ во время бесѣды съ больной можно было замѣтить нѣкоторое улучшеніе. Запасъ словъ остался тотъ же, но больная могла повторить за другимъ немногосложныя слова, однако, скоро ихъ забывала, многосложныя слова приходилось разбивать сначала на отдѣльные слоги, больная ихъ повторяла и затѣмъ уже вслѣдъ за врачомъ повторяла и все слово, отдѣляя каждый слогъ. „Выученное“ слово черезъ нѣсколько секундъ забывалось.

26 янв. Афазія у больной почти совершенно исчезла, остается только нѣкоторое затрудненіе при разговорѣ: больная отвѣчаетъ не сразу, долго припоминаетъ нужное слово, особенно затрудняется при произношеніи собственныхъ именъ и длинныхъ словъ, старается ограничиться, гдѣ возможно, отвѣтомъ: „да, нѣтъ“; могла правильно прочесть молитву, только читала медленно, останавливаясь на нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Въ послѣдующіе дни сгладились постепенно и указанные сейчасъ явленія, и 28 января больная говорила совершенно свободно, жаловалась только на боль въ лѣвомъ вискѣ.

Съ 10 лѣтъ больная жила въ городѣ, сначала ходила за дѣтьми, а потомъ служила горничной. Все это время чувствовала себя здоровой, какихъ либо тяжелыхъ заболѣваній не переносила. 17-ти лѣтъ вышла замужъ за крестьянина и уѣхала съ мужемъ въ деревню. Въ домѣ мужа сразу пришлось взяться за работу: готовить обѣдъ на всю семью, ходить за скотиной; работа была совершенно непривычная для нея, многое было не по силамъ, многому нужно было учиться; не разъ больная слышала то упреки свекрови, что она

ничего не знаетъ, то замѣчанія матери сыну, зачѣмъ женился на бѣлоручкѣ. Приблизительно уже черезъ годъ послѣ замужества она стала чувствовать себя нездоровой, всякое замѣчаніе волновало ее и, если оно было черезъ-чуръ обидно, вызывало наступленіе припадка. Припадки эти состояли въ томъ, что у больной во время раздраженія подступалъ къ горлу какъ бы клубокъ, она чувствовала стѣсненіе въ горлѣ; чтобы избавиться отъ неприятнаго ощущенія, она начинала рвать воротъ у платья, бросалась на полъ; судорогъ при этомъ не бывало. Сознаніе все время сохранялось. Припадки бывали не часто и продолжались до $\frac{1}{2}$ часа. Послѣ припадковъ раздраженіе проходило. Въ промежуткахъ между припадками по временамъ бывали головныя боли, преимущественно въ теменной области, и боль въ вискахъ. Роды протекали правильно, только послѣдніе были тяжелѣе предыдущихъ: потеряла много крови, не скоро встала съ постели, чувствовала себя долгое время слабой. Потери рѣчи или какого-либо разстройства ея ни разу не было. Больная помнитъ, что 16 января она была сильно разстроена, „въ сердцахъ“ прибила дѣтей, но тотчасъ же раскаялась. Желаніе сорвать на комъ-нибудь свой гнѣвъ у нея бывало и ранѣе, нѣсколько разъ она хотѣла въ состояніи раздраженія ударить дѣтей, но мужъ уводилъ ихъ отъ нея. Въ обычное время она всегда ласкова съ ними, любитъ ихъ. Побои, нанесенныя дѣтямъ, сильно опечалили ее; она была недовольна и собою, что не могла сдержаться, и мужемъ, что тотъ во время не сумѣлъ остановить ее. Что произошло съ ней вечеромъ въ этотъ день, какъ она собиралась ѣхать куда-то, что говорила, — больная не помнитъ, равно не помнитъ и событій двухъ слѣдующихъ дней. Когда она пришла въ себя, то не могла уже говорить; все, что ни говорили ей другіе, она отлично понимала, могла сдѣлать все необходимое по хозяйству, знала употребленіе каждой вещи, но какъ называется вещь, не могла сказать; „въ умѣ, говорить больная, могу сказать, а вслухъ не умѣю“. Считая себя больной, она хотѣла ѣхать въ больницу, но выразить своего желанія словами не могла; слово „больница“ никакъ не удавалось сказать, вмѣсто него она говорила „Бугульма“, хорошо сознавая, что говорить не то, что нужно. Непониманіе родными ея просьбъ раздражало ее. Она постоянно раскаявалась въ грубомъ поступкѣ по отношенію къ дѣтямъ, ласкала ихъ, но назвать по имени не

умѣла, а звала ихъ всѣхъ „зѣри“. Больная помнить, что во время ея болѣзни былъ приглашенъ священникъ; на всѣ его вопросы она не говорила ничего, кромѣ словъ: „увы, увы“. Самого священника она называла „пришелецъ“. Всѣ эти дни у нея была сильная головная боль, „точно камень лежитъ на головѣ“, плохо ѣла, почти не спала по ночамъ. Больная помнить также, давно ли и съ кѣмъ она пріѣхала въ Лечебницу, кто принималъ ее, по разговорамъ больныхъ догадалась, что ее помѣстили въ сумасшедшій домъ.

Съ физической стороны у больной остались тѣже явленія, что и прежде—отсутствіе рефлекса съ мягкаго неба, неравномѣрность сухожильныхъ рефлексовъ.

Больная оставалась въ Лечебницѣ до середины февраля, желая, какъ слѣдуетъ поправиться. Ничего ненормальнаго со стороны рѣчевого аппарата болѣе не было замѣчено. Обращала на себя вниманіе крайне легкая возбудимость больной: незначительная обида, причиненная какой нибудь душевнобольной, неисполненіе мужемъ обѣщанія посѣтить въ извѣстный день сильно разстраивали ее: она начинала плакать, плохо спала, но ни разу не наблюдалось бывшихъ ранѣе припадковъ *globus'a*. Кромѣ того она часто жаловалась, особенно по вечерамъ, то на головную боль, то на боль въ вискѣ, чаще правомъ. Во время послѣднихъ приступовъ замѣчалось покраснѣніе соотвѣтствующей половины лица, субъективно она ощущала жаръ въ лицѣ, чувство біенія пульса въ вискахъ. Иногда у больной, на ряду съ головной болью, появлялись непріятныя ощущенія въ мышцахъ бедра, голени, въ колѣнныхъ суставахъ, выражавшіяся чувствомъ тяжести въ ногахъ, усталости, будто послѣ долгой ходьбы.

Съ цѣлью леченія больной назначались ежедневныя $\frac{1}{2}$ часовыя ванны въ 28° и *natr. bromatum* въ небольшихъ дозахъ.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь случай двигательной афазіи и парафазіи, развившейся на почвѣ истеріи. Послѣдняя, въ свою очередь, развилась, вѣроятно, подъ вліяніемъ тяжелой, несоотвѣтствовавшей привычкамъ больной, обстановки, въ которую она попала послѣ замужества, а также подъ вліяніемъ угнетающихъ нравственныхъ условій (постоянные упреки, обиды, замѣчанія); не безъ слѣда для здоровья про-

шли, конечно, частые роды, кормленіе грудью. Особенно сильныя непріятности вызывали у больной наступленіе истерическаго припадка въ видѣ *globe hystérique*, послѣ котораго она чувствовала себя лучше. Но въ послѣднее время, видимо, вслѣдствіе болѣе значительнаго потрясенія, а можетъ быть и вслѣдствіе ослабленія общаго питанія, вызваннаго обильной потерей крови послѣ родовъ, привычнаго припадка не послѣдовало, а его замѣнило болѣе тяжелое и продолжительное расстройство—афазія. Больная не могла сказать почти ни одного слова: необходимыя артикуляторныя движенія исчезли изъ ея памяти; извѣстное слово возникало въ ея сознаніи, но не могло вылиться въ опредѣленную звуковую форму. Она произносила только нѣсколько словъ, при чемъ большая часть ихъ не соотвѣтствовала общеупотребительному значенію ихъ, т. е. кромѣ афазіи у нея существовали и парафатическія расстройства. Въ тоже время больная ясно сознавала, что дѣлается кругомъ ея, понимала, что говорятъ ей окружающіе, слѣдовательно словесной глухоты здѣсь не было. Съ улучшеніемъ состоянія больная стала повторять сначала короткія, а потомъ и болѣе длинныя слова, какъ бы вспоминала тѣ движенія, которыя требуются для произнесенія слова, но скоро опять забывала ихъ. Она объяснялась главнымъ образомъ при помощи мимики и жестовъ; мимическая рѣчь, какъ обыкновенно и наблюдается при истерической афазіи, у ней осталась непораженной.

Физическіе симптомы истеріи у нашей больной были выражены очень слабо; къ нимъ должно отнести: отсутствіе рефлекса съ мягкаго неба, спазмъ въ области *facialis dextræ*, неравномѣрность сухожильныхъ рефлексовъ; обычно наблюдаемыхъ у истеричныхъ—суженія поля зрѣнія, расстройства чувствительности, цвѣтоощущенія—у нея не было; но въ данномъ случаѣ останавливаетъ на себѣ вниманіе расстройство сосудо-двигательной сферы. Какъ передавалъ мужъ больной, однимъ изъ первыхъ проявленій настоящаго заболѣванія было рѣзкое покраснѣніе лица, длившееся все время, пока больная нахо-

дилась дома; симптомъ этотъ отмѣченъ также въ первые дни ея пребыванія въ лечебницѣ; и въ послѣдствіи, когда явленія афазіи совершенно сгладились, у больной не разъ, во время приступовъ боли въ вискахъ, наступала ясная гиперемія лица. Очевидно, вначалѣ имѣлось болѣе обширное разстройство вазомоторовъ, вызвавшее измѣненіе сосудистой системы не только въ области лица, но и въ корѣ головного мозга, при чемъ въ послѣдней оно захватывало довольно значительную область. Результатомъ этого явилось кратковременное разстройство душевной дѣятельности, обнаружившееся усиленной подвижностью, безсвязной болтливостью, бессонницей, потерей сознанія. Нарушеніе кровообращенія въ области коры скоро начало выравниваться, указанные симптомы исчезли, осталась только гиперемія лица, но на смѣну бывшимъ явились симптомы коркового пораженія, ограниченнаго строго опредѣленной областью—извилиной Broca. Мало-по-малу кровообращеніе пришло къ нормѣ и въ этомъ отдѣлѣ коры, послѣ чего исчезли и явленія афазіи.

